

Тёплый весенний ветерок ласково трепал чёрные волосы Чай Цзыжана. С груза с души наконец снят, он обернулся к Мо Цзюцзюню, поправлявшему виноградные лозы, только что безжалостно потрёпанные Фэн Сяосяо, и усмехнулся:

— Я всего лишь укусил тебя? Неужто это так тебя задело, что ты нарочно подстроил приезд Фэн Сяосяо с отцом для расторжения помолвки?

С этими словами он снова улёгся на своё место, закинул руки за голову, положил ногу на ногу и продолжил:

— Или, видя мою радость, ты затаил недовольство и придумал, как меня поддеть?

Мо Цзюцзюнь улыбнулся:

— Попал в точку.

Чай Цзыжань резко вскочил и с недоверием уставился на сияющее лицо Мо Цзюцзюня.

— Мо Цзюцзюнь, это переходит все границы. Да, я укусил тебя, но разве ты не отплатил тем же? Стоило ли так изощряться?

Мо Цзюцзюнь сегодня, казалось, был в особенно прекрасном настроении. Уголки его губ задорно поднялись, и он напомнил:

— Девяносто девять.

Уголок рта Чай Цзыжана дёрнулся. Ему хотелось тут же рухнуть на землю и проспять до скончания веков. Смирившись, он спросил:

— И что же ты хочешь?

— Я — новый сяньлин уезда Суюй. Мне как раз не хватает личного помощника: красноречивого, гибкого, трудолюбивого, беспристрастного и исключительно внимательного.

...

Уезд Суюй находился не так уж далеко от столицы. Туда-обратно — всего лишь восемь горных перевалов да семь-восемь десятков ли на осле. Мать Чай Цзыжана была родом из Суюя и, пока была жива, часто привозила его в деревню на месяц-другой. Так понемногу он и стал считать Суюй своей родиной. Уезд со всех сторон окружали семь-восемь больших гор. Пусть и близко к столице, а дороги оставляли желать лучшего. Из всех окрестных уездов Суюй был самым отсталым и самым простодушным.

Испокон веков сяньлины Суюя, получив должность, оставались здесь на всю жизнь. Выбраться отсюда удавалось единицам. Иначе говоря, любой чиновник, способный хоть как-то подняться по службе, в Суюй бы и близко не подошёл.

Появление Мо Цзюцзюня нарушило раз и навсегда установленный бюрократический уклад уезда. Предыдущий сяньлин, просидевший на своём посту двадцать лет, благодарно кланялся новому назначенцу, и его седая бородёнка трепетала от волнения:

— Благодарю господина Цзюцзюня, благодарю господина Цзюцзюня, благодарю господина Цзюцзюня, благодарю господина Цзюцзюня...

Когда он собрался произнести свою благодарность в пятый раз, Чай Цзыжань не выдержал и перебил:

— Могли бы вы хоть немного разнообразить свои благодарности? Твердите одно и то же — господин Цзюцзюнь и устать может.

Он повернулся к Мо Цзюцзюню и многозначительно поднял бровь:

— Не так ли?

Как ни крути, а он был личным помощником, но Мо Цзюцзюнь и капли лица ему не оставил, ответив прямо:

— Не так.

Чай Цзыжань окаменел. Бывший сяньлин решил, что Мо Цзюцзюню именно такие слова и нравятся, и с новыми силами принялся благодарить, снова и снова повторяя одно и то же. Когда у Чай Цзыжаня уже в ушах начало звенеть, прежний сяньлин наконец, запыхавшись, выдавил последнее:

— Бла-го-да-рю... гос-по-ди-на Цзю-цзю-...

Не успев договорить, он так и рухнул без сил.

Видя, как трогательно трепещет его седая бородка, Чай Цзыжань сжалился и налил ему чашку воды:

— Выпейте... и продолжайте.

Бывший сяньлин смотрел на него с недоумением, не в силах понять, хочет ли Чай Цзыжань слушать его благодарности или нет, и его рука, тянувшаяся за чашкой, застыла в нерешительности. Мо Цзюцзюнь вежливо, но твёрдо указал на дверь:

— Можете идти.

Бывший сяньлин словно обрёл помилование. Горло его ещё работало с трудом, зато ноги понесли быстро — в мгновение ока он исчез.

Чай Цзыжань презрительно скривил губы:

— Сам виноват.

Он потянулся за чашкой, которую только что налил, но та оказалась пуста — воду уже опрокинул в себя Мо Цзюцзюнь. Тот одним махом осушил чашку, аккуратно поставил её на место и изрёк:

— Личный помощник.

Чай Цзыжань с недовольным видом налил ему ещё. Мо Цзюцзюнь тут же забрал и эту. В душе Чай Цзыжань негодовал: «Вот негодяй! Любой случай использует, чтобы меня позубамить. Держится за то, что я его „личный помощник“, и ни в чём себе не отказывает. Доиграется он со мной — живого места не останется».

Мо Цзюцзюнь поставил пустую чашку, платком промокнул пролившиеся капли и заметил:

— Что и говорить — иметь слугу куда удобнее.

Лицо Чай Цзыжана потемнело. Памятуя великий принцип «в чужом монастыре со своим уставом не ходят», он налил ему ещё воды и почтительно поднёс к губам:

— Пейте, господин Цзюцзюнь.

А про себя подумал: «Чтоб ты подавился, чёртов выродок».

Мо Цзюцзюнь оставался невозмутим, в очередной раз подтверждая свои слова: да, иметь слугу действительно удобно. Сколько бы чашек воды ни подносил Чай Цзыжань, он выпивал каждую до дна.

После восьмой чашки Чай Цзыжань сдался. Окинув взглядом свой небольшой двор, он спросил:

— Резиденция сяньлина сейчас на ремонте. Где ты сегодня ночуешь?

— У тебя.

Лицо Чай Цзыжана снова потемнело. Сжав кулак, чтобы не дать волю рукам, он спросил дальше:

— А с чего это ты вдруг сюда сяньлином подался?

— Ради тебя.

Чай Цзыжань глубоко вздохнул, не желая спорить с человеком, несущим околесицу с каменным лицом, и продолжил:

— А что же Лоу Юйцзэ?

Выражение лица Мо Цзюцзюня слегка изменилось. Под пристальным взглядом Чай Цзыжана он ответил:

— Что будет, то и будет.

Чай Цзыжань: «...»

Весенние ночи обычно полны всяческих забав. Вот, например, за окном порхают светлячки — поймать бы, да фонарик сделать. Или сверчки за стеной стрекочут, один другого азартнее, — наловить бы, в клетку посадить, пусть дерутся, тоже развлечение.

Но сегодня всё было иначе. Чай Цзыжань лежал на своей кровати, в двадцать второй раз покосившись на Мо Цзюцзюня, и наконец не выдержал:

— Господин Цзюцзюнь, ваше присутствие в моей комнате, конечно, озаряет её сиянием, но сияния этого уже достаточно. Сделайте одолжение, подвиньтесь и отправляйтесь почивать в соседнюю комнату.

Мо Цзюцзюнь, сидевший за письменным столом, насмешливо приподнял бровь:

— А здесь вид получше.

Помолчав, Чай Цзыжань наконец сорвался с кровати, босиком подошёл к нему и, скрестив

руки на груди, уставился сверху вниз:

— Ты уйдёшь или нет?

— Ответ в книге.

Чай Цзыжань глянул на книгу в его руках. Он такие видел, но не ожидал, что Мо Цзюцзюнь увлекается подобным — эротическими рисунками мужской любви. В принципе, он мог бы и обсудить, но ведь сердце Мо Цзюцзюня принадлежит Лоу Юйцзэ, а тот, небось, настолько возвышен, что вряд ли поддастся на такие уловки. Чай Цзыжань почесал нос и раздражённо буркнул:

— Не уходишь ты — уйду я.

С этими словами он вышел за дверь, заботливо притворив её за собой. Лёгкий ветерок поиграл его прядями. Чай Цзыжань зевнул — ни сверчков ловить, ни светлячков ему сейчас не хотелось — и неспешно зашагал к большому виноградному навесу позади дома.

Навес был размером с его жилище. Лёжа на земле и глядя на редкую молодую листву, Чай Цзыжань почувствовал лёгкую тоску. Когда виноград созревал, он не съедал ни ягоды — раздавал всё соседской ребятне. Не от щедрости, а потому что виноград был до того кислый.

— Господин, господин, господин, господин! — подбежал Юань Хан.

Чай Цзыжань отозвался:

— Что? Что? Что? Что?

Увидев, что господин лежит на земле, подложив руки под голову и мечтательно глядя на виноградный навес, Юань Хан последовал его примеру и прилёг рядом:

— Господин, зачем вы расторгли помолвку? Мне кажется, принцесса Цинлань была бы замечательной партией, в тысячу раз лучше госпожи Лань. Пусть она и не особо к вам расположена, но это лишь потому, что вы недостаточно прилежны. Если бы вы больше читали...

Чай Цзыжань беспечно махнул рукой:

— Помолвка расторгнута, теперь об этом и говорить нечего.

Юань Хан пробормотал:

— Просто не понимаю и хочу разобраться.

Чай Цзыжань оставался беззаботным:

— Ты не разобраться хочешь, ты думаешь, как бы обо всём доложить моему старшему брату.

Юань Хан смущённо ухмыльнулся. Лицо его покраснело, но, к счастью, ночь да тень виноградных лоз скрыли это. Он сказал:

— Думаю, господин, вы человек проницательный.

— Брось, не говори маркизу Чанпину всякое вроде «есть дракон, что не рычит, но одним рыком

покоряет небо; есть орёл, что не кружит, но одним взмахом опускается на землю». Ха-ха-ха, голова у меня маленькая, высокие шапки не по мне.

Чай Цзыжань фыркнул, поднялся с земли, отряхнулся в тени дерева и, заложив руки за спину, неспешно удалился.

<http://bllate.org/book/15931/1423865>